

Кавель Кавель

Великий обмен
и другие мелочи

2022

12+

Кавель Кавель

Великий обмен и другие мелочи

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=67866774

SelfPub; 2022

Аннотация

Кавель Кавель исследует дорожки, по которым в привычный мир входит, поводя тентаклями, чужое и странное и пытается понять, как написать самый странный большой роман или довести до полного совершенства привычную детективную форму. Несомненно, автор читал много Лавкрафта, Борхеса и Фаулза. Возможно из этого литературного эксперимента в результате что-то и получится.

Содержание

Завесы	4
Польза, прочность, красота	6
Конец ознакомительного фрагмента.	11

Кавель Кавель Великий обмен и другие мелочи

Завесы

От запредельного ужаса человека отделяют законы природы, соображения рассудка, крепкие, надежные стены жилищ.

Они и падают не враз.

Зачем человеку селиться в странном, для жизни людей мало приспособленном месте – не понятно. Но вот поселился же.

Если выглянуть в неурочный час в окно, в стоячем ночном воздухе этажами ниже тихо, непонятно колыхнется под фонарем. Ветерок подул. Ничего более.

Тень под фонарем сгущается. Нет, не ветерок был. Но и ладно, мало ли, что там носит по асфальту, какие формы принимает брошенная газета или горсть сухих кленовых листьев.

Нет, не газета. Не листья. Серая тень, черная тень. Присутствие. Но это же там, внизу Присутствие. А сверху видно текущую через два квартала реку, дымоходы и телеантенны

на соседних домах. Мало ли, что там тихо собирается на асфальте.

... не на асфальте, нет. Сгусток, воплощенное Присутствие отвесно поднимается в воздух, повисает напротив окна. Что-то там есть между пепельных складок. Лучше не приглядываться. Но и отвернуться нельзя. А впрочем, двойное, старинное стекло в крепком переплете надежно отделяет от любых непонятных присутствий и форм, в которые лучше не вглядываться.

Зачем? зачем ком темноты трогается с места, зачем приближается к нашему надежному окну?..

... оказывается внутри. Как будто и не было окна, не было старинного свинцового стекла, не были выжжены Знаки на потемневшей раме. Но это ведь сгусток тумана, просто пустота, чья-то мысль о небывшем, мираж, небыль, пустой призрак...

... идет вперед, касается открытой зачем-то дверцы. Дверца тихо скрипит – страшнее нет звука! – и касается стены. Падает на пол фаянсовый кувшин.

К выходу, к выходу, порог, дверная ручка.

Прикосновение сзади и легкий запах, людям неведомый и ненужный.

Полезьа, прочность, красота

Вольные каменщики забыли, зачем они были призваны. Прониклись идеями, ритуалами, свободой. А весь их смысл был – хранить проем в каменной стене.

Вокруг этого смысла громоздились века, войны и тайны. Кого-то жгли на кострах, непонятно за какой потребностью брали и сравнивали с землей крепости, убивали антиквариатов, резали из рам картины, капала вода в соляных шахтах, открывались под пальцами древние надписи, немели и сидели – не свидетели, нет, те, кому случайно довелось – периферическим зрением! – увидеть на секунду свидетелей.

В общем, судя по всему, Каменщики свой проем не сохранили или сохранили как-то не так. Как сказал бы Лавкрафт, запредельный ужас и любопытные ощущения коснулись человечества. Легонько, чуть заметно. И особо чуткие представители человечества заинтересовались – что так? Почему хмурым утром Нового времени флот отпадших колоний вывел в океан и утопил в безвестном месте белую шхуну? Что хранилось в несуществующей комнате орденского замка в Баварии? Зачем рвали страницу из тиражей безобидной книжонки? Ну, все вот это.

Как положено, в диком, непопулярном месте под толщей слоев чуткие и любопытные нашли пресловутый проем. Проем был настезь. Видно было, что да, по эту сторону

проема происходил запредельный ужас. То, что осталось от свидетелей, находилось там же. По ту сторону проема ровно ничего не было. Не в том смысле, что мрак и туман. Просто ничего. Проем был между двумя архаического свойства помещениями, секретная кладка исключалась. Оба помещения были пусты – за исключением остатков свидетелей и обычного строительного мусора, камни, кирпичи, ключья раствора.

Навесили на всякий случай дверь, сохраняемую от прорыва неведомого специальными знаками, запорами и наноккомпозитами. И вроде бы стало несколько спокойнее.

Однако нет, как выяснилось, не стало. Что-то где-то проявилось через месяцы или годы – против прежнего только намеком, можно было полагать небывшим. Совсем уж в неожиданном месте – светлом, просторном. Не то в архитектурном бюро, не то в студенческом кампусе, не то на центральной площади, где леса, известка, белые листы временной ограды и реконструкция.

Кто-то почему-то решил, что произошедшее важно. Или, по меньшей мере, любопытно. А возможно, с теми, кто заколачивал дверь между двумя пустыми комнатами, никто и не столкнулся, не поговорил. Странный, прерывистый пунктир повел по архитектурной линии. Привел куда-то далеко, к истокам. Витрувий, польза, прочность, красота, линии минойских и доминойских культовых зданий, складывание домостроительных традиций, представление о прекрасном, все

это.

Нашлись недавно люди, которые сказали: вся мировая архитектура движима предрассудками! Откуда привычные нам каноны и пропорции? Почему столь красивы тайные, заброшенные храмы цивилизаций, прекративших течение свое? Почему холодок и любопытные ощущения возникают, когда смотришь на непонятно какой обрывок непонятно какой гравюры, которая странным образом уцелела, когда малопонятная секта, застрявшая между храмовниками и манихейцами, выслеживала, жгла и кочергами перемешивала архив малоизвестного античного строителя?

Сделаем же все по-новому! Огромные новые здания в центре современной цивилизации. Вернемся к довитрувианскому ордеру, всякое такое. Смотрите, как красива, какие странные чувства будит входная группа, вдохновленная тем затянутым джунглями храмом, который обнаружила в прошлом году пропавшая в тропическом лесу экспедиция! В день праздника, в день большого стечения народа торжественно сбросим полотна, до поры прикрывавшие сюрпризные фасады!

На фоне обратного отсчета до открытия новой архитектурной доминанты столицы мира некто продолжает беспокоиться. Что-то не так было с давешним проемом. Куда-то не туда он вел. Вообще никуда не вел. Проходя ежедневно мимо большой, шумной, солнечной стройки, привыкаешь к картинке за декоративными покровами. О чем напоминает но-

вый фасад, который достраивается, и который примет окончательный вид буквально перед тем, как сбросят декорацию? На что-то похожа эта кладка, это обрамление... что-то смутное и болезненное...

Ассоциации срослись в ночь перед премьерой. Форма двери. Тот проем, перед которым лежали давешние странно деформированные и разъятые свидетели, был некогда квадратным. Ну, или иной какой-то нетривиальной, невиданной пропорции. Потом его частью заложили – видно, что второпях, видно, что очень давно и видно, что не мастера делали. Но стал он более или менее обыкновенным, привычным.

А потом кирпичи сбоку раскрошились, упали. Проем обрел первоначальную форму, которая была до того, как ее изменили какие-то древние-предревние знатоки, и которую не успели восстановить те, кого и посчитать теперь не получится, сколько их там было – торопясь, не успевая, чувствуя приближающийся неизвестно откуда запредельный ужас, бубенцы, полный конец всему, холод, холод, ничто, никогда больше.

И надпись нашлась, выпала, на пергаменте была, на глиняной дощечке или вообще сделанная дешевой шариковой ручкой на полях путеводителя: приходит сквозь свой проем, а придя – будущего не оставляет. Свой проем. Свойственный проем. Только через дверь своей формы. Через квадратную, например.

Традиционные, соразмерные прямоугольные проемы не

просто так пришли с незапамятных времен. Делали двери и иными, иной формы, квадратными ли, более прихотливыми. . . Богато украшали резьбой и символами – но не успевали закончить. Двери иной формы не останавливали тех – не останавливали то – что приходило через свой проем.

Каменщикам-то надлежало хранить не немногие оставшиеся двери иной формы под осыпавшимися слоями цивилизаций – ну, вот почему-то нельзя было их сокрушить, разметать, отменить – а хранить запрет, не оглашая его, потому что мало ли желающих попробовать. Пусть не делает никто проемов той формы, которую кто-то – что-то – сочтет свойственной себе. Пусть немедленно уходят, тонут, горят те, кто задумывается над иными очертаниями, отличными от привычного нам вытянутого прямоугольника. Потому что через проем иной формы сначала подует холодом, который чуть шелохнет линии пространства, а потом – так, что не успеть сообразить – придут дождавшиеся приглашения. Свидетели раньше были, да; однако немели, седели и сходили с ума те, кто видели после того свидетелей.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.